

цивилизации в сверхцивилизацию... В рамках западных стран сформировались своего рода «надстройки» над компонентами их социальной организации — сверхгосударства, сверхэкономика, сверхидеология и т. д. Из их взаимодействия образовались «надстроечные» объединения наднационального и межнационального масштаба, а также объединение, охватывающее весь западный мир... — глобальное сверхобщество»⁸⁵. Запад — не просто сумма национальных государств. Но более сложное явление более высокого уровня организации. «Оно является молодым... Внутри него имеют место конфликты... Но это — обычное явление... Существенно тут то, что интеграционный процесс доминирует...»⁸⁶ 3. Глобализация требует развитых технологий управления. Но именно западная цивилизация обладает такого рода технологиями. Пример — системы информации и связи: «Новые системы связи, как и информационное общество, также не знают национальных границ — информация не может быть заперта в ангары, или трюмы...»⁸⁷

Подводя итог всему вышеизложенному, следует сказать: динамика социокультурных макросистем в обозримой перспективе будет напоминать логику движения «вверх по лестнице, ведущей вниз». Т. е. активизацию узлов геополитических конфликтов на пути к интеграции цивилизационных систем. Глобализация же будет означать дальнейшее развитие мондиалистского подхода к идеям толерантности и ориентацию на создание мультикультурной цивилизации.

Ю. В. Тумилович,

*аспирант кафедры всеобщей истории ОмГУ
(г. Омск)*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ (НА ВИЗАНТИЙСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Проблема толерантности признается одной из самых важных проблем современности. Актуальность разработки темы

⁸⁵ *Зиновьев А.* Гибель русского коммунизма. М., 2001. С. 273—274.

⁸⁶ Там же. С. 204—205.

⁸⁷ *Хомяков М. Б.* Толерантность и современная цивилизация. Екатеринбург, 2000. С. 10.

толерантности сегодня связана с процессами глобализации и со стремлением к сохранению народами национальной идентичности и культурного своеобразия, борющимися в современной цивилизации.

Необходимо отметить, что если прежде акцент ставился на толерантности религиозной, политической или индивидуальной, то теперь основой для рассмотрения этого понятия становится социокультурная толерантность как «своеобразная «макротолерантность», самый общий уровень толерантного сознания» (*Хомяков М. Б. Толерантность как социокультурная проблема // Толерантность и ненасилие: теория и международный опыт: Материалы Зимней школы. Ч. 2. — Екатеринбург, 2000. С. 11*).

Исследования феномена толерантности в рамках культур до эпохи Просвещения — Кэрри Нидерман, Дж. К. Лорсен и Майкл Уолцер — появились лишь в последнее время.

М. Уолцер предлагает в качестве предмета исследования избрать «терпимость или, лучше сказать, то, что делает терпимость возможной, — мирное существование групп людей с различной историей, культурой и идентичностью» (*Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 16*). Уолцер намечает ряд «идеальных» форм толерантности (многонациональные империи, международные сообщества, консоциативные устройства, национальные государства, иммигрантские общества). Ввиду этого разнообразия Уолцер высказывает мысль о том, что практические вопросы толерантности, такие, как проблемы этноса, религии, образования, должны по-разному решаться в различных политических и культурных контекстах. Таким образом, различные «режимы» толерантности уместны каждый в своем собственном историческом, национальном и культурном контексте, и нет никакого универсального прототипа, с помощью которого можно было бы оценивать уровень толерантности в обществе.

Если воспользоваться предложенной Уолцером классификацией, то мы увидим, что разные цивилизации и разные эпохи знают различные уровни толерантного осознания, и главное, имеют совершенно различные культурные принципы в качестве оснований толерантности.

Одним из «идеальных типов», одним из названных выше пяти толерантных режимов является многонациональная империя. «Исторически имперское владычество является наи-

более удачным путем опосредования различий и облегчения (точнее, насаждения) мирного существования» (Уолцер М. С. 30).

Предметом нашего исследования станет феномен социокультурной толерантности в Византийской империи. Для исследования византийской толерантности как одного из исторических типов мы используем теоретическую модель, предложенную М. Уолцером. Нам представляется, что данная модель позволяет в определенной степени зафиксировать некоторые существенные для понимания византийского общества моменты.

Империя (лат. *Imperium* — имеющий власть, могущественный, сильный) может определяться по-разному:

- территория, на которую распространяется власть императора;
- государство, возглавляемое лицом, принявшим или получившим по династической линии титул императора;
- политическая система, объединяющая под началом жесткой централизованной власти гетерогенные этно-национальные и административно-территориальные образования на основе отношений метрополия — колония, центр — провинция, центр — национальные республики и окраины. Во всех значениях с понятием Империи связано жесткое применение власти на местах из одного центра.

Для нас Империя — это особое социально-политическое пространство, структурирующее коммуникацию между индивидами. Многообразие внутреннего пространства империи (национальные, региональные, исторические и другие особенности) является ее важнейшей системной характеристикой. Гетерогенность этого пестрого пространства может быть стабилизирующим фактором и обеспечивать глубокую адаптацию и выживаемость. Однако само по себе разнообразие структурных форм не является достаточным условием длительного равновесия империи.

Многообразие внутреннего имперского пространства требует различных действий и коммуникаций, воспроизводящих его единство и устойчивость. Социальное пространство должно преодолеть возникающие системные противоречия процесса дифференциации. Одним из таких факторов стабилизации являются, на наш взгляд, отношения толерантности в рамках имперского пространства, — именно данная тенден-

ция способна уравновесить и скорректировать структурное усложнение пространства империи.

В ходе коммуникаций империя должна быть осмыслена как большое, необозримое, длительное и устойчивое пространство. Границы огромной территории и пугающий внешний мир, история государства и его внутреннее многообразие, включенность индивида в пространство и туманное будущее — все это требует осмысления и упорядочения. Империя должна быть сконструирована не только политически и экономически, но также и символически. Именно благодаря символическому уровню пространство империи не предстает полным хаосом, внушающим ужас своей обширностью и многообразием. Этого не происходит, поскольку устанавливается соответствие индивида, с одной стороны, и его социальной группы, пространства и времени, с другой. Образ и смысл устойчивого имперского пространства возникает в результате двойного структурирования. На объективном уровне простота структурирования происходит через создание ценностей, стилей поведения и образов социальных групп. На уровне субъективном простота конституируется через формирование имперской идентичности индивида.

В результате конструирования смыслов и правил коммуникации создается и навязывается легитимное видение устойчивости империи. Толерантность выступает одним из принципов, на котором строятся правила коммуникации.

Византийский материал позволит нам рассмотреть способы функционирования толерантности внутри Империи и проследить, каким образом отношения толерантности способствовали устойчивости структурного пространства Империи.

Византия была прямой наследницей Римской империи и унаследовала от нее многие черты. Черта, которая, на наш взгляд, наиболее характерна для Римской империи — это ее универсализм. Римская империя претендовала на то, чтобы быть не просто государством, а государством, совпадающим по своим масштабам со всем цивилизованным миром. Уникальность Римской империи состояла в ее политическом изоляционизме. Однако последний принцип был свойствен многим другим империям.

Но имелись некоторые весьма существенные качественные особенности, отличавшие Римскую империю от всех предшествовавших и современных ей империй, — хотя эта осо-

бенность относится скорее не к имперскому принципу, а к специфике его реализации. Это то, что ей действительно удалось совместить культурный универсализм и политический изоляционизм и реализовать их в своей практике. На самом деле, будучи многоэтничной, охватывающей все языки, Римская империя превратилась в империю, где этнические различия не имели никакого политического значения. Весь цивилизованный мир как бы встраивался в единые имперские рамки и отгораживался от всего внешнего. Таким образом, была задана идеальная модель империи — в том, прежде всего, что касается формы.

Модель многонациональной и подчиненной единым законам империи, империи, упорядочивающей, подчиняющей единому принципу жизнь разноречивых народов, стала образцом для Византии. Римская империя, этот «*Pax Romana*», оставалась единой и единственной империей языческих времен, имевшей истинно религиозное значение земного образа единого и единственного Царства Божия.

В Риме сложилась концепция государства как вечной, постоянной и неделимой ценности — концепция «вечного Рима». Величие римской великой священной державы являлось производным не от священного характера царской власти, личности правителя, а от священной сущности римской государственности. Представления о совершенстве своего строя, доблести римлян постепенно трансформировались и дополнялись идеей провиденциальной предназначенности Римской державы, несущей «мир и порядок» народам, ее священного характера как находящегося под постоянным покровительством богов идеального государства.

По отношению к III веку нередко говорят об ориентализации Римской империи. Со времени же Константина одерживает победу римская государственная традиция, справедливо давшая византийцам основание рассматривать себя как преемников Рима, а не Востока и даже не эллинистических монархий.

Как римский, так и византийский император не стали богами и потомками богов. И Римская, и Византийская империи никогда не трансформировались в подлинные наследственные монархии. Константин был первым римским императором, который, опираясь на свое единовластие, попытался укрепить легитимность своей династии и рассматривать империю как некое достояние, наследие своего дома и своего

рода. Однако эта практика не утвердилась. Римские государственные традиции, а следовательно, взгляд на императора как на господина, неограниченного правителя, но тем не менее не собственника империи, возобладали.

Универсальный характер Византийской империи, основанной на римском наследии, был закреплен идеей христианского «ойкуменизма». Эта концепция романо-христианской универсальной Империи была выработана уже при Константине Великом и оформлена в концепции Евсевия Кесарийского. Римская держава трансформировалась в священную христианскую державу — державу христиан и для христиан. «Римский мир» — *Pax Romana* — превратился в римский христианский мир — *Pax Romana Christiana*. Предшествующая римская история представляла теперь как своего рода эпоха перехода избранной богом державы на более высокую качественную ступень.

Если большое значение в глазах византийцев имела языческая римская империя, то несравнимо большим было значение христианской империи. Один из первых идеологов Византийской империи дьякон Агапит в своем послании к императору Юстиниану писал о ней как об иконе Царствия Божия.

Помимо единой императорской власти, уподобляющейся власти Бога, империя имеет еще ряд черт, делающих ее земным образом Царствия Божия. Это относится прежде всего к тому, что в своем идеале это сообщество людей, объединенных православием, т. е. правильной верой, правильным славением Бога, и таким образом преодолевшим то разделение на языки, этносы, культуры, которое было следствием греха — попытки человечества достичь Небес, построив Вавилонскую башню. Поэтому так важен для византийцев универсализм, принципиальное презрение к иным культурам как к низшим и прошедшее красной нитью через всю историю Византии неприятие любого национализма, в том числе и собственного, греческого, идеологами империи. Разумеется, греческий национализм в рамках Византийской империи существовал, особенно усиливаясь в периоды ее кризиса, но всегда встречал противодействие со стороны ее православных идеологов. Многонациональность Византии имела для нее принципиальное значение. И прежде всего это относилось к православным: Византийская империя мыслила себя как единственное и единое государство всех православных народов.